

И. А. — Иосиф Афанасьевич Джунковский, университетский товарищ И. В. Росковшенка и И. И. Срезневского по Харьковскому университету (с 1826 по 1829 гг.).

Сходство с портретом.—Весьма вероятно, Росковшенко говорит о гравере Н. Уткина с портрета О. Кипренского (1827).

А. С. Пушкин из *Царского Села*, где до того времени жил, переехал в Петербург в октябре 1831 г., 21 числа или немного раньше.

«*Повести покойного Ивана Петровича Белкина* изданные А. П.» вышли в свет в октябре 1831 г.

Сочинения Державина. В типографии Александра Смирнова». СПб. 1831 (в 4 томах). В I т. — портрет Державина, грав. Н. И. Уткиным; на заглавном листе виньетка к оде «Бог», рис. А. П. Брюлловым, грав. Галлактионовым. Во II т. — виньетка к оде «Водопад», исполненная теми же лицами.

В. Срезневский

V

Пушкин перед картиной Брюллова

(Из бумаг А. С. Андреева)

Нижепомещаемая заметка о встрече с А. С. Пушкиным извлечена нами из бумаг Андреева, приобретенных в Ленинграде журналистом С. Б. Борисовым в 1925 г.

Алексей Симонович Андреев (р. 18 марта 1792 г., ум. 8 сент. 1863 г.) был с 1835 по 1850 гг. воспитателем и преподавателем математики в Училище правоведения,¹ потом директором карточной экспедиции.

По воспоминаниям бывших правоведов,² среди воспитателей Училища правоведения, людей „довольно обыкновенного невыдающегося типа, самых ординарных мелких чиновников“, Андреев выделяется своим неказенным отношением к делу. Он давал воспитанникам книги из своей библиотеки, в свободные часы беседовал с ними на различные темы. Большой, черный и коренастый, с крупным „орлиным носом и пронзительными глазами“, он „любил щеголять своей военной, наподобие грома, отрывистой командой“, почему и был прозван „майором“ и „крикуном“. Но, несмотря на страшный „военный голос“, вос-

¹ Императорское училище правоведения учреждено в 1835 г. «для образования благородного юношества на службу по судебной части». «50-летний юбилей Имп. училища правоведения», СПб. 1886.

² В. В. Стасов, «Училище правоведения сорок лет назад в 1836—1842 гг.», «Рус. стар.» 1880, XII, стр. 1025—1026. И. А. Тютчев, «В училище правоведения 1847—1852», «Рус. ст.» 1885, XII, стр. 663; 1886, II, стр. 369.

питанники его любили, знали, что он добродушен, и нередко пользовались его добродушием: стараясь избавиться от уроков, заводили с ним разговор о каких-либо открытиях в любимой им математике, чтобы провести урочное время в пустой болтовне. Младшие его считали великим математиком, „потому что он преподавал геометрию в старших классах“. Старшим он рассказывал „преудивительные анекдоты“.

Повидимому, как воспитатель правоведа Андреев в своей карьере чиновника преуспевал мало: „он не имел орденов на шею“. Только оставя службу в училище вследствие назначения его на должность директора карточной экспедиции, он уже через год явился в училище на храмовой праздник с орденом Анны на шею. Воспитанники подметили это и говорили, что Андрееву „пожалован орден за изобретение им нового бубного туза“.

Собираателем исторических анекдотов, математиком, усердным чиновником, втайне либеральным, большим любителем литературы рисуется нам Андреев в своих записках.

Бумаги Андреева представляют собой пять тетрадей in folio в твердых бумажных обложках. На каждой тетради, сшитой из листов различного формата, в разное время покрытых записями, с подклеенными письмами, домашними рецептами, разного рода выписками и пр., наклеен ярлык: „Книга выписок“. Листы в тетрадях пронумерованы рукой Андреева; им же сделаны разные пометки, примечания и исправления, судя по почерку и цвету чернил, значительно позднее. Некоторые листы тетради—копии запрещенных в то время стихотворений, статей, а также прошений на высочайшее имя, церковных проповедей и пр.—писаны канцелярским почерком; повидимому, копии эти Андреев заказывал.

В свои тетради Андреев заносил все, что почему-либо находил достойным внимания; напр., в тетради, откуда нами извлечена заметка о встрече с Пушкиным, за ней следуют заметки о чугунных стропилах Исаакиевского собора (с чертежом); высота шпиля Адмиралтейства; растения, которые можно держать зимою в комнатах; копия стих. Лермонтова „Кинжал“; заметки об обвалившемся потолке Георгиевского зала в Зимнем дворце; стих. „Суэта сует“ Хомякова; анекдот о Пушкине в связи с известным „экспромтом“ о „деве и Козэроге“; рецепт о приготовлении нежинского табаку; таблица эпохи новейших открытий; заметка об учении Лютера; стих. „Насильный брак“ гр. Е. Ростопчиной; рецепт о способах сохранения сукна и меха от моли и т. д.

Одна из тетрадей Андреева была в руках А. С. Полякова, автора книги „О смерти Пушкина по новым данным“ (Гос. изд., П. 1922), в которой и опубликована записка Андреева „О Пушкине 1837 г.“ (Поляков, стр. 30—32, примечание, стр. 80). Запиской о встрече с Пушкиным открывается и другая тетрадь Андреева „Книга выписок № 4“. Писанная беглым, твердым почерком, она занимает две страницы писчего формата; рядом с ней вклеена афиша о местах в амфитеатре по Невскому проспекту, устроенных для зрителей, приглашавшихся смотреть „торжественный въезд в С.-Петербург ее королевского высочества принцессы Марии Гессен-Дармштадтской, невесты наследника Александра Николаевича“; а на листе сделана пометка: „Приклеена эта афиша на память событию 1840 года, сентября 8-го дня“; далее идет датированная 22 сентября 1840 г. заметка о посещении Исаакиевского собора. Это позволяет датировать 1840 г. и заметку о встрече с Пушкиным в 1827 г. Заглавие заметки „Встреча с Пушкиным“, написанное старческим почерком, другими чернилами, сделано, вероятно, много позднее при просмотре Андреевым своих старых бумаг.

ВСТРЕЧА С А. С. ПУШКИНЫМ

1827 года, в один из дней начала лета, я посетил бывшую тогда выставку художественных произведений на Невском проспекте против Малой Морской в доме Таля. В это время была выставлена картина, присланная Карлом Брюлловым из Италии, известная под названием „Итальянское утро“.

Уже не в первый раз я с безотчетно приятным наслаждением смотрел на эту картину. Странное чувство остановилось во мне. Казалось, я дышал каким-то мне дотоле неведомым воздухом. Что-то неизъяснимо приятное окружало меня.

С таким чувством я вышел на улицу, и первые особы мне встретившиеся был Барон Дельвиг и с ним под руку идущий, небольшого роста, смуглый и с курчавыми волосами. Я с Дельвигом поздоровался, как с хорошо знакомым, и он меня спросил, разве я не знаю его (указывая на своего товарища). Получив от меня отрицательный ответ, он сказал: „Это — Пушкин“. Тогда я от души обрадовавшись, отнесся к Александру Сергеевичу, как уже несколько знакомому, ибо часто до приезда его виделся с его матерью Надеждой Осиповной и сестрою Ольгою Сергеевною. Одежда на нем была вовсе не Петербургского покроя, в особенности же картуз престранного вида (это были первые дни его приезда из Бессарабии).

Желая быть долее с Пушкиным, я вместе с ними пошел опять на выставку. Дельвиг подвел Пушкина прямо к „Итальянскому утру“. Остановившись против этой картины, он долго оставался безмолвным и, не сводя с нее глаз, сказал: „Странное дело, в нынешнее время живописцы приобрели манеру выводить из полотна предметы и в особенности фигуры; в Италии это искусство до такой степени утвердилось, что не признают того художником, кто не умеет этого делать“.

И, вновь замолчав, смотрел на картину, отступил и сказал: „Хм. Кисть, как перо: для одной — глаз, для другого — ухо. В Италии дошли до того, что копии с картин столь делают похожими, что ставя одну оборот другой, не могут и лучшие знатоки отличить оригинала от копии. Да, это как стихи, под известный каданс можно их наделать тысячи, и все они будут хороши. Я ударил об наковальню русского языка, и вышел стих — и все начали писать хорошо“.

В это время он взглянул на Дельвига и тот с обычною своею скромностью и добродушием, потупя глаза, ответил: „Да“.

Рассказ о встрече с Пушкиным записан Андреевым в 1840 году, через 13—15 лет после встречи; в рассказе могут быть мелкие неточности. Картина К. П. Брюллова (род. в 1799, ум. в 1852 г.) «Итальянское утро» была начата художником в 1823 г. во время его пребывания в Риме, куда он был командирован Обществом поощрения художников (см. «Неизданные письма» К. П. Брюллова и документы для его биографии, с предисловием и примеч. худ. М. Железнова, П. 1867, стр. 2). О происхождении этой картины биограф Брюллова рассказывает следующее: «Вскоре по приезде в Рим он сидел в кафе Греко вместе с немецкими художниками, говорившими, что искусство оканчивать картины так, как их оканчивали голландские художники, было потеряно; Брюллов, не соглашаясь с этими мнениями, сказал, что художники перестали так оканчивать свои произведения потому, что считали такую окончательность излишней, и, чтобы доказать справедливость своих слов, написал «Итальянское утро» («Неизданные письма», стр. 15). Из письма Общества поощрения художников К. П. Брюллову («Архив Брюлловых», под ред. И. А. Кубасова. П. 1900) видно, что «Итальянское утро» было получено в Петербурге в дни, когда столица узнала о смерти Александра I, т. е. в конце ноября 1825 г. Общество поощрения художников, уведомляя Брюллова о получении его картины, писало следующее: «После двух почти лет нетерпеливого ожидания комитет Общества получил, наконец, картину вашу, изображающую итальянское утро в виде девушки, моющей у фонтана. Прелестное произведение сис пленило равно всех членов Общества, выбор предмета и исполнение оно в полной мере заслужили общее одобрение. Вы доказываете сим произведением и ваши способности и ваше искусство. Живопись требует вкуса чистого, выполнения тщательного. В вашей картине видны и то и другое; но что всего более радует комитет Общества, то это то, что ваш первый труд вне отечества доказывает ясно те великие надежды, кои Общество в праве иметь на вас впоследствии и кои без

всякого сомнения вы совершенно оправдаете. Комитет нашел в вашем произведении красоту в высшей степени, особенно по части живописи» («Архив Брюлловых», стр. 27).

Выставка Общества поощрения русских художников, на которой была выставлена картина Брюллова, открылась 2 февраля 1826 г., по указанию «Отеч. зап.» (1826 г., № 70, февраль, стр. 344), в доме Марса, на Невском проспекте, тогда как у Андреева назван дом Таля. П. Н. Столянский в своей работе «Старый Петербург и Общество поощрения художников» (Л. 1928, стр. 48) замечает, что с квартирой для постоянной выставки художественных произведений Общество вынесло много перипетий. Первая выставка, по словам П. Н. Столянского, помещалась в доме голландской церкви, на Невском, в магазине художественных произведений Андрея Прево, затем — в магазине Снегирева, помещавшемся за Аничковым мостом в доме Лопатина, и снова в доме голландской церкви. В. «Отеч. зап.» (1826 г., № 70, февраль, стр. 344—345) в отчете о выставке в числе картин, обращающих на себя внимание, упоминает «девушка, умывающая себе лицо из фонтана», т. е. «Итальянское утро». «Картина сия, — пишет критик «Отеч. зап.» о произведении Брюллова, — прислана из Рима и служит новым свидетельством первоклассного таланта сего молодого артиста. Картина сия заключает в себе истинное волшебство живописи: девушка, вострепнувшаяся от сладкого сна, бежит к фонтану освежиться водой. Она подставила себе обе ручки под желобок и с нетерпением ждет, как они наполняются водой. На сию последнюю устремлено все ее внимание, она не примечает, что на нее обращен жадный взор зрителя... Меж тем лучи восходящего солнца пробиваются, как через янтарь, сквоз прелестное ушко ее. Это совершенное очарование!..»

Кроме «Итальянского утра», на выставке находились еще следующие работы Брюллова: «Портрет г. Львова»; «Пиферарин: старик и мальчик, играющие на духовых инструментах перед образом пречистой девы»; «Народ пред дверью церкви во время служения» («Список художественным произведениям в учрежденной от Общества поощрения художников выставке, бывшим в течение 1826 г. и ныне состоящим». СПб. 1827).

Андреев пишет, что любовался «Итальянским утром» уже не в первый раз. Выставка Общества, открытая при магазине «для постоянного сбыта художественных произведений, была постоянной (Н. Собко, «Краткий исторический очерк Общества поощрения художников». СПб. 1890 г., стр. 3). Указанные выше картины Брюллова еще значатся в каталоге выставки, изданном в 1827 г.

Пушкин до начала сентября 1826 г. безвыездно жил в ссылке в с. Михайловском, откуда, «прощенный» и вызванный Николаем I, в ночь с 3 на 4 сентября 1826 г. выехал через Псков в Москву, где в виду коронации находился тогда весь царский двор. Из Москвы Пушкин выехал в Петербург в ночь с 19 на 20 мая 1827 года. С 31 мая Дельвиг значится в отпуске в Ревеле (см. Гавский, «Дельвиг» в «Современнике» 1854, № 9, стр. 9), но когда он уехал из Петербурга, в точности неизвестно, так что описанная Андреевым встреча с Пушкиным и Дельвигом произошла в последних числах мая — первых числах июня.

Пушкин перед картиной Брюллова — по записи Андреева — именно тот, каким мы представляем его себе по его немногочисленным беглым замечаниям о живописи, рассеянным в его письмах, по воспоминаниям современников, изображавших поэта среди художников. Мы знаем, что Пушкин «любил художников больше, нежели свой литературный цех, где его уни-

жало равенство с правительственной рептилией Булгариным... Он не нанес обиды ни одному художественному имени, которое было славно или модно в его дни. Он охотно и благожелательно поминал их при случае в своих стихах, — от Орловского в «Руслане и Людмиле» до Карла Брюллова, чью «Гибель Помпеи» он удостоил поэтического переложения в черном наброске 1834 г.: «Везувий зев открыл...» Он охотно ходил по мастерским и одаривал художников стихами... Пушкин подходил к художникам сюжетологически. Они служили ему материалом для нескольких строк в поэмах, для характеристик и уподоблений, для эпиграмм, для поэтических подарков и благодарностей» (А. Эфрос, «Рисунки поэта». М. 1930, стр. 13—15).

Пушкин ценил Брюллова очень высоко. По словам скульптора Рамазанова, Пушкин, посетивший в 1835 г. Брюллова в Москве, был в восторге от его эскиза задуманной картины «Взятие Рима Гензерихом» и сказал, что картина, исполненная по этому эскизу, может стать выше «Последнего дня Помпеи». (Об этом эскизе Брюллова есть упоминание в письме Пушкина к жене 11 мая 1836 г.). Пушкин предлагал Брюллову для картины «сюжет из жизни Петра Вел.» (Н. Рамазанов, «Материалы для истории художеств в России». М. 1863, стр. 187). «Он настоящий художник» — отзыв поэта о Брюллове («Переписка Пушкина», т. III, стр. 307). Известен рассказ ученика Брюллова о посещении Пушкиным в январе 1837 г., за два дня до дуэли, мастерской Брюллова. Пушкин восхищался мастерством Брюллова и, шутиво став на колени, выпрашивал один из его рисунков (А. И. Мокрицкий, «Воспоминания о Брюллове», «Отеч. зап.», т. 103, 1885 г., стр. 165—166. Приведены в статье Н. Лернера — «Пушкин у Брюллова», IV т. соч. Пушкина под ред. Венгерова).

Описание наружности поэта, сделанное Андреевым, можно сопоставить с описанием М. П. Погодина, впервые увидевшего Пушкина в 1826 г. в Москве: «Это был среднего роста, почти низенький человек, вертявый, с длинными, несколько курчавыми по концам волосами, без всяких притязаний, с живыми, быстрыми глазами, с тихим, приятным голосом, в темном сюртуке, в темном жилете, застегнутом наглухо, в небрежно повязанном галстуке» (Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», т. II, стр. 43).

Замечание Андреева о костюме Пушкина можно дополнить еще несколькими штрихами. Полоса онегинского дендизма была свойственна Пушкину только в ранней молодости, но в дальнейшем он щегольством не отличался. В 1821 г. генерал Инзов, ходатайствуя о высылке в Кишинев следуемого Пушкину жалованья, сообщает, что у поэта «недостаток приличного одевания» («Рус. старина» 1887, т. I, стр. 244).

В воспоминаниях И. И. Панаева, встретившего Пушкина в книжном магазине Смирдина в Петербурге, говорится, что поэт был одет «без всяких претензий, даже небрежно» («Литерат. воспоминания». СПб. 1876 г., стр. 48). Небрежность костюма Пушкина отмечена в воспоминаниях Н. М. Колмакова, относящихся к последним годам жизни поэта. Пушкин, говорит Н. М. Колмаков, не поражал своим костюмом, шляпа его далеко не отличалась новизною, а длинная бекешь тоже была старенькая. На бекешу сзади не было пуговики («Русск. старина» 1891 г., т. 70, стр. 665).

Слова Андреева о Пушкине: «это были первые дни его приезда из Бессарабии» следует понимать в том смысле, что Пушкин в 1827 г. (как указано у Андреева) для петербуржцев был только что вернувшимся из ссылки; в Бессарабию Пушкин был выслан из Петербурга в мае 1820 г. и до мая 1827 г. в Петербурге не был.

Замечание Пушкина о копиистах, приводимое Андреевым, чрезвычайно любопытно. Пушкин, разумеется, хорошо знал, что для многих современных

ему поэтов и стихотворцев он является учителем. Например, в письме к А. А. Бестужеву, говоря о поэмах К. Ф. Рылеева, Пушкин замечает: «Очень знаю, что я его учитель в стихотворном языке — но он идет своею дорогою» («Письма Пушкина», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 123). В одной из бесед с петербургским литератором Б. М. Федоровым Пушкин однажды заметил: «Чувствий у Баратынского, Языкова и Дельвига не найдете. Баратынский и Языков мои ученики — я уж у них учиться не буду». Эти слова Пушкина записаны Федоровым в его дневнике в апреле 1828 г. (Из дневника Федорова. «А. С. Пушкин». Изд. журн. «Русский библиофил», П. 1911, стр. 34).

Н. Ашукин

VI

Новые материалы об изданиях Пушкина

(1831 — 1837)

Издания произведений Пушкина, вышедшие при его жизни, были обследованы уже с достаточной полнотой и тщательностью, и библиографическое описание их появилось еще в 1914 г. в Москве в виде ценного обобщающего капитального труда Н. Синявского и М. Цявловского под заглавием „Пушкин в печати“. Книга эта дала не только почти полную сводку всего напечатанного Пушкиным как в отдельных изданиях, так и разбросанного по отдельным журналам и альманахам, но и восполнила существенный пробел работы Н. О. Лернера „Труды и дни Пушкина“ в части, касающейся установления времени выхода отдельных трудов поэта с точностью до месяца и даже в некоторых случаях дня, на основании современных публикаций и объявлений о выходе в свет той или иной книги.

Благодаря обнаружению некоторых цензурных экземпляров сочинений Пушкина в библиотеке Ленинградского университета, где хранился раньше и архив Цензурного комитета, мы можем теперь несколько уточнить выход из печати ряда изданий Пушкина и сообщить об одном до сих пор неизвестном издании его „романов и повестей“ 1837 г., начавшем осуществляться при его жизни, но так и не увидевшем света. Нет надобности, конечно, говорить о том, какое большое значение для биографии и изучения творчества всякого писателя имеют документы, определяющие и уточняющие выход из печати его прижизненных изданий. В отношении же Пушкина подобный материал естественно должен занять в хронологической канве его жизни не последнее место.

З В Е Н Ь Я

СБОРНИКИ МАТЕРИАЛОВ И ДОКУМЕНТОВ
ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСКУССТВА И ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ XIX ВЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ВЛАД. БОНЧ-
БРУЕВИЧА и А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

II

«А С А Д Е М І А»
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1 9 3 3